

Научная статья

УДК 101.1: 316

DOI: 10.18384/2949-5148-2026-2-81-90

ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОДОВ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СМЫСЛОВ

Рябова М. Э.

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: ryabovame@mail.ru

Поступила в редакцию 05.01.2026

После доработки 24.01.2026

Принята к публикации 12.02.2026

Аннотация

Цель. Осмыслить взаимосвязь человеческой субъектности и технически опосредованного «Я» в контексте фундаментальных трансформаций социокультурных смыслов цифрового общества.

Процедура и методы. Исследование базируется на методологии социальной философии, включая критический анализ, системный и социокультурный подходы. Ключевым ядром является метод дуальных оппозиций («индивидуальное – коллективное», «рациональность – эмоциональность», «традиционализм – новаторство»), который в сочетании с диалектической логикой восхождения от абстрактного к конкретному (в гегелевской традиции) позволяет выявить динамику трансформаций социокультурных кодов.

Результаты. Обосновано, что субъектность неотделима от технического «Я», которое выступает активным медиатором социального действия. Установлено, что дуальные оппозиции функционируют в редуцированном виде, что ведёт к упрощению и нестабильности социокультурных кодов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования уточняют социально-философское понимание трансформации субъектности и социокультурных кодов, а также позволяют осмыслить проблему воспроизводства культурных ценностей в современной реальности.

Ключевые слова: алгоритмическая медиареальность, социокультурные коды, субъектность, техническое «Я», дуальные оппозиции

Для цитирования:

Рябова М. Э. Человек в пространстве цифровой коммуникации и социокультурных кодов: трансформация смыслов // Современные философские исследования. 2026. № 2. С. 81–90. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-81-90>.

Original research article

HUMANITY IN THE SPACE OF DIGITAL COMMUNICATION AND SOCIO-CULTURAL CODES: MEANING TRANSFORMATION

M. Ryabova

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

e-mail: ryabovame@mail.ru

Received by the editorial office 02.02.2026

Revised by the author 22.02.2026

Accepted for publication 04.03.2026

Abstract

Aim. To understand the relationship between human subjectivity and the technically mediated “I” in the context of fundamental transformations of the socio-cultural meanings of digital society.

Methodology. The research is based on the methodology of social philosophy, including critical analysis, systems and socio-cultural approaches. The key core is the method of dual oppositions (“individual-collective”, “rationality-emotionality”, “traditionalism-innovation”), which, in combination with the dialectical logic of ascent from the abstract to the concrete (in the Hegelian tradition), helps to identify the dynamics of the transformation of socio-cultural codes.

Results. It has been substantiated that subjectivity is inseparable from the technical “I,” which acts as an active mediator of social action. It has been established that dual oppositions function in a reduced form, leading to the simplification and instability of sociocultural codes.

Research implications. The results of the study clarify the socio-philosophical understanding of the transformation of subjectivity and socio-cultural codes and helps to understand the problem of the reproduction of cultural values in modern reality.

Keywords: algorithmic media reality, socio-cultural codes, subjectivity, technical “I”, dual oppositions

For citation:

Ryabova, M. E. (2026). Humanity in the Space of Digital Communication and Socio-Cultural Codes: Meaning Transformation. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 81–90. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-81-90>.

Введение

Многослойность современной коммуникации определяет онтологию социальной реальности, в которой человек оказывается окружён потоками информации, обусловленными развитием электронных технологий и их интеграцией в повседневность бытия. Как отмечал В. С. Стёпин, сегодня «видны контуры совершенно нового человеческого мира, который формируется в противоречиях и напряжениях нашей эпохи» [1, с. 67]. Онлайн-пространство становится не только доминирующим средством обмена информацией, но и той онтологической сущностью, в которой возникают, транслируются и переосмысливаются социокультурные коды. Эти коды, исторически сложившиеся и передающиеся из поколения в поколение, определяют восприятие мира, систему ценностей и нормы поведения. Однако в условиях цифровой среды традиционные механизмы кодирования и декодирования информации подвергаются существенным преобразованиям, привычные мировоззренческие представления фундаментально реконструируются, что оказывает глубокое влияние на понимание человеком

социальной реальности, влекущее переопределение смыслов и границ реалий мира, а также возникновение этических и онтологических вызовов. Ю. В. Татаров указывает на беспрецедентную тенденцию в обществе, демонстрирующую «необычайную гибкость и адаптацию к технологическим изменениям» [2, с. 121]. Сложная динамика ценностных и социокультурных систем обуславливает актуальность философского осмысления их современных изменений, влияющих на все аспекты жизнедеятельности человека. Цель исследования заключается в рефлексии взаимосвязанности человеческой субъектности и её технического «Я» сквозь призму трансформации социокультурных оснований общества.

Социокультурные коды и цифровая коммуникация: теоретические рамки

Вряд ли кто будет оспаривать, что человек, осваивая усложняющееся пространство коммуникативной активности, практически постоянно обучается пребыванию в обществе, культурные программы которого пронизывают ментальные проявления. «Главным итогом происходящих событий становятся тотальная цифровиза-

ция и переход антропологических практик (в том числе коммуникативных) в цифровую среду», подчёркивает А. А. Ковалев [3, с. 107]. В таком контексте цифровая коммуникация предстаёт не просто техническим средством, расширяющим коммуникативные возможности человека, но качественно другой средой воспроизводства социальности, в которой трансформируются базовые механизмы смыслообразования, интериоризации норм и конструирования идентичности. Преобразование социальной реальности в цифровой модус позволило Л. Флориди даже обозначить онтологический статус виртуальной реальности [4].

Ключевым для понимания того, как общество аккумулирует и воспроизводит свои типизации повседневного мышления, ценности и нормы, выступает понятие «социокультурный код», которое в философском дискурсе имеет предельно широкое значение. Исследовательский потенциал этого термина огромен, а интерпретация его смысла включает в себя не только трактовку человеком начал мира, но и рефлексию собственного существования. Не выдвигая задачи экспликации всех смыслов дефиниции «социокультурный код», отметим лишь множественность его определений, а также уточним, что в работе будем разделять мнение учёных, предлагающих понимание социокультурного кода «в качестве совокупности мировоззренческих констант» [5, с. 314]. Приведённая цитата позволяет обозначить социокультурный код фундаментальной матрицей коллективного бытия, которая всё же не является монолитным образованием, скорее, она, подвергаясь влиянию внутренних и внешних факторов, представляет собой идеологическое поле напряжений и противоречий, в котором разворачивается борьба за интерпретацию и переопределение значений, аксиологических акцентов и нормативных предписаний. В условиях цифровой коммуникации данное поле напряжений усложняется за счёт технологического посредничества, поскольку цифровые платформы и алгоритмические

механизмы начинают выполнять функцию селекции, иерархизации и нормализации циркулирующих смыслов, тем самым становясь соучастниками процесса формирования социокультурных кодов. В этом поле сталкиваются доминирующие и маргинальные дискурсы, традиционные и новаторские подходы, стремление к унификации и запрос на культурное разнообразие.

Философские корни осмысления социокультурных кодов уходят в классическую немецкую философию, и прежде всего к Г. В. Ф. Гегелю, его диалектическому методу, основанному на триаде «тезис – антитезис – синтез», представившему мощный инструмент для анализа общественных тенденций, что позволяет рассматривать социокультурные коды в их взаимосвязи и противоречивом единстве, следуя гегелевской логике восхождения от абстрактного к конкретному. «Противоречие же есть корень всякого движения и жизненности», – указывает Г. В. Ф. Гегель [6, с. 65]. Применительно к социокультурным кодам это означает, что именно наличие противоречий обеспечивает их динамику, т. е. столкновение противоположных тенденций приводит к появлению новых культурных форм и социальных институтов. В контексте цифровой коммуникации тезисом могут выступать традиционные ценности и нормы, в таком случае антитезисом будут являться новые возможности, возникающие в цифровой среде, а синтез предполагает формирование гибридных форм культуры, сочетающих в себе элементы традиционного и цифрового. При этом важно подчеркнуть, что в условиях медиареальности синтез носит нестабильный и процессуальный характер, что позволяет говорить о принципиальной незавершённости и открытости социокультурных кодов цифровой эпохи. Например, традиционная концепция приватности (тезис) сталкивается с возможностью публичного самовыражения в социальных сетях (анти-тезис), что приводит к становлению новых форм и правил приватности (синтез). Цифровая коммуникация становится аре-

ной диалектической борьбы, в результате которой происходят постоянное переосмысление и перекодирование социокультурных кодов. Понимание глубинных механизмов их функционирования является ключом к раскрытию и осмыслению тех перемен, которые происходят в обществе.

Траектория развития социокультурных кодов не всегда гармонична, а обусловлена постоянным напряжением между ними, так называемым маятниковым движением (в терминологии А. С. Ахиезера) между полюсами цивилизации и культуры. А. С. Ахиезер неоднократно подчёркивал, что общества часто сталкиваются с цивилизационным расколом, который выражается в «несоответствии между усложняющимися задачами общества, государства, с одной стороны, и отставанием культуры, развития её массового творческого потенциала, составляющего непосредственную основу более сложных решений соответствующего субъекта, с другой» [7, с. 373]. Постоянное взаимодействие контрарных полюсов и формирует социокультурный код как результат компромисса и синтеза противоположностей. В цифровом пространстве такое маятниковое движение ускоряется, поскольку медиатеchnологии усиливают полярные установки, способствуя их асимметрии и снижению потенциала культуры к поддержанию устойчивого баланса. Движущей силой многих общественных процессов выступают имманентно присущие им оппозиции. В традиционной коммуникации эти внутренние противоречия принимают конкретные устойчивые формы, которые часто тяготеют к одной из сторон дуальных оппозиций. Такими диалектически связанными парами выступают «индивидуализм – коллективизм», «рациональность – эмоциональность», «традиционализм – новаторство». Однако цифровая коммуникация вносит свои коррективы. Рассмотрим сказанное немного подробнее.

Цифровая реальность, предоставляя широкие горизонты для самовыражения и индивидуального творчества, одновременно способствует формированию онлайн-

сообществ и коллективной идентичности. Алгоритмическая логика медиаплатформ, ориентированная на удержание внимания, усиливает как атомизацию субъекта, так и его включённость в сетевые формы коллективного существования, что радикализирует указанную оппозицию. Согласно концепции А. С. Ахиезера, доминирование индивидуализма наращивает атомизацию общества, тогда как превалирование коллективистских настроений ограничивает свободу, автономии личности.

Интернет открыл доступ к огромному информационному массиву, стимулируя рациональное мышление и критический анализ, при этом активно вводя возможность использовать мультимедийные средства для выражения эмоций и чувств. В медиареальности наблюдается смещение рационально-рефлективных оснований в сторону эмотивности публичного дискурса, что проявляется в циркуляции аффективно нагруженных нарративов, дезинформационных сообщений и клипового мышления. Преобладание рациональности стимулирует бюрократизацию и формализм, а чрезмерная эмоциональность порождает хаос, иррациональность и манипулятивные практики. В цифровом пространстве это выражается в феномене вирусного распространения фейковых новостей, включая поликодовые эмоционально окрашенные формы сетевой культуры, в частности мемы. В литературе уже отмечалось, что «мемы есть уникальный способ кодирования идей, выражающий не просто эмоциональные реакции пользователей, но и транслирующий идеологическую направленность, коннотацию передаваемого смысла» [8, с. 127].

Ускоряя распространение инноваций и идей, цифровая коммуникация вместе с тем способствует сохранению и репликации культурного наследия. В ряде исследований [4; 9; 10] концептуализируется идея всеобщей культуры, её частным случаем является искусственный интеллект, который служит реализацией перевода знаний в цифровые данные. Однако цифровую медиареальность трансформируют спосо-

бы передачи традиции, перевода её в формат фрагментированных, контекстуально обеднённых репрезентаций. В российском медиапространстве всё чаще публикуются исторические события и культурные традиции через подачу визуального юмора и мемов, где сложные события представлены в упрощённой эмоционально маркированной форме, что отражает редукцию традиционного культурного содержания в краткие, эмоционально насыщенные поликодовые форматы, ориентированные на мгновенный отклик. В качестве конкретного примера можно привести публикацию в интернет-среде Яндекс.Дзен¹. В меме предлагается образ Петра I, одного из ключевых персонажей российской истории, через призму современного цифрового юмора и визуально-вербального кода, характерного для мемов. Как известно, мемы представляют собой единицы культурной информации, которые быстро распространяются и усваиваются благодаря сочетанию визуального и текстового компонентов, а также эмоциональной насыщенности и лаконичности сообщения. Подобные мемы трансформируют сложные исторические нарративы в клиповые образы, сводя богатый культурный контекст к простым узнаваемым визуальным сюжетам. Такая редукция отражает существующую практику цифрового кодирования исторического материала. Вместо глубокой смысловой рефлексии исторический фрагмент ориентирован на моментальный эмоциональный отклик и вирусное распространение в медиареальности. Это согласуется с идеей о выполнении мемами функции интегрирующей технологии, позволяющей субъекту не только обмениваться информацией, но и выражать отношение к ней в сжатом формате. С точки зрения социокультурного кодирования подобные мемы выступают в роли культурных маркёров, показывающих переработку значимых исторических

персонажей в упрощённые форматы, доступные массовой аудитории. Сказанное иллюстрирует механизм работы цифровой коммуникации, ведущий к переосмыслению культурных кодов, а не просто их иницирующий, что, в свою очередь, влияет на общественное восприятие исторической памяти и коллективных значений. Отрицание корректного прошлого создаёт предпосылки к дезорганизации и утрате идентичности, а его некритическое восприятие ведёт к стагнации и отсталости. В цифровом пространстве это проявляется в столкновении между «цифровыми аборигенами» и «цифровыми иммигрантами».

Иначе говоря, медиареальность представляет собой диалектическое поле, которому присущи противоположные тенденции, находящиеся в постоянном напряжении. Социокультурные коды в таком поле не просто воспроизводятся, но и подвергаются ускоренной трансформации, приобретая характер динамичных и принципиально незавершённых смысловых конфигураций.

Взаимосвязь человеческой субъектности и её технического «Я»

В условиях цифровой медиареальности взаимодействие человеческой субъектности с техническим «Я» предстаёт как процесс конституирования, в ходе которого субъектность трансформируется и воспроизводится в новых формах. Субъект выступает не просто в качестве носителя сознания, а как активный индивидуум, чьё существование и деятельность постоянно модифицируются алгоритмически опосредованными коммуникативными структурами. В этом ракурсе цифровое «Я» предстаёт как эманация субъекта в его множественных проявлениях, в принципиально новых социальных и ментальных фрагментах, способных функционировать автономно, оставаясь одновременно продолжением индивидуальной и коллективной субъектности. И это не просто цифровое отражение субъекта, а активное включение его в социокультурную систему,

¹ «Теперь это моё болото!» – 7 смешных комиксов про Петра I [Электронный ресурс] // Яндекс.Дзен: [сайт]. URL: <https://dzen.ru/a/ZMu0ULFQ8U8tSDHj?sid=8285628323142661> (дата обращения: 10.12.2025).

в которой каждое информационное событие превращается в элемент онтологически значимого процесса. Так формируется динамическая система, в которой дуальные оппозиции «рациональность – эмоциональность», «индивидуализм – коллективизм», «традиционализм – новаторство» выступают ключевыми структурными координатами субъектного становления, задающими предельные рамки субъектного действия, внутри которых осуществляется ориентация в социальной реальности. При этом каждая последующая оппозиция логически вырастает из предыдущей, фиксируя не отдельный аспект, а этап развития субъектности.

Эти оппозиции не фиксированы, их баланс смещается по принципу маятника в зависимости от медиатехнологий, создающих условия для перманентного пересмотра ценностей, норм и способов действий. Возникает вопрос, как субъектность, будучи вовлечённой в эти противоречивые структуры, сохраняет способность к автономному выбору и рефлексии, и как техническое «Я» влияет на вектор этих колебаний, одновременно структурируя и ограничивая возможности действия?

В этом контексте техническое «Я» предстаёт медиатором и транслятором субъектного потенциала, аккумулируя, перераспределяя и трансформируя социокультурные смыслы. Другими словами, техническое «Я» (аккаунты, профили, цифровые объекты присутствия и следы активности) втягивается в структуру субъектности, преобразуя когнитивные и деятельностные основания, становясь частью экзистенциальной обусловленности субъекта. Такое понимание находит отражение в работах Е. Г. Нахтигаль, отмечающего, что цифровые технологии, «становясь активными участниками виртуального пространства, перестают быть нейтральными инструментами» [11, с. 71]. Цифровая коммуникация, первоначально осмысляемая как продолжение и проекция человеческого опыта, всё больше утрачивает прямую зависимость от него. Это смещение актуализирует необходимость философ-

ского осмысления: возможно ли говорить о реальности и достоверности контента, продуцируемого вообще вне участия человека, цифровое существование которого обеспечивается ботами? Ведь сегодня практически невозможно определить, кто именно откликается, лайкает информацию – человек или искусственный интеллект, во всём имитирующий человека. Как пишет С. Вулл, боты «могут обмануть алгоритмы трендов в социальных сетях, продвигая определённые хэштеги или видео, создавая видимость того, что множество реальных людей обращают внимание на что-то, чтобы создать иллюзию консенсуса» [12, р. 166]. Именно поэтому цифровую медиареальность нельзя рассматривать в терминах внешнего инструментария, она включена в саму ткань субъектного бытия, формируя ту двойственную природу, в которой рациональные и эмоциональные компоненты, индивидуалистические и коллективистские стратегии, традиционные и инновационные модели действия вступают в постоянное напряжение и взаимное переопределение. Субъектность в такой системе, откликаясь любым активным цифровым взаимодействием, публикацией или реакцией на медиаконтент, переживает постоянную рекалибровку.

Следствием этой динамики становится расщеплённая субъектность, где индивидуальные решения принимаются под одновременным влиянием внутренних когнитивных процессов и внешних цифровых факторов, каждый из которых обладает собственной силой давления. В таких условиях диалог между физическим субъектом и техническим «Я» превращается в поле социокультурного эксперимента и имеет фундаментальные культурные последствия.

Во-первых, сказанное означает, что цифровая коммуникация постепенно лишается характеристик реального коллективного взаимодействия, трансформируясь в симуляцию включённости.

Во-вторых, противоположный полюс коллективистской установки – индивидуализм – претерпевает также существен-

ную трансформацию. Декларируемая автономия субъекта нередко оказывается иллюзорной, т. к. индивидуальное артикулируется в границах заранее заданных алгоритмических сценариев. В результате субъект утрачивает экзистенциальное измерение индивидуальности, редуцируя свою реальную сущность к видимости.

Отсюда следует, что оппозиция «индивидуализм – коллективизм» в условиях медиареальности перестаёт функционировать как классическое противостояние автономного субъекта и социальной общности. Оба полюса оказываются схваченными единой техноквазисоциальной конфигурацией, в которой коллективность симулируется через агрегированные данные, а индивидуальность подменяется стандартизированными формами выражения. Например, индивидуальное высказывание в социальной сети приобретает вес не благодаря аргументированности или смысловой глубине, а в силу показателей вовлечённости, т. е. числа реакций, репостов, комментариев.

Сказанное свидетельствует не о простом смещении доминанты в пользу одного из полюсов, а о качественной трансформации самой логики функционирования социокультурных оппозиций, затрагивающих структуру субъектности. Свобода выбора и совместное действие здесь уже не перераспределяются между полюсами, а модифицируются в управляемый режим участия, задаваемый техническими и алгоритмическими условиями коммуникации. Тем самым полюса оппозиции «индивидуальное – коллективное» перестают выступать альтернативными векторами смыслового развёртывания культуры и начинают функционировать как взаимозависимые, но содержательно обеднённые формы квазисубъектного присутствия.

В отличие от классической модели переплюсовки оппозиций (в терминологии А. С. Ахиезера), при которой смена доминирующего полюса обеспечивала переосмысление и обновление культурных кодов, в условиях цифровой медиареальности наблюдается одновременная редукция обоих

полюсов. Индивидуальное утрачивает глубину автономной рефлексии, а коллективное лишается потенциала подлинной солидарности, что делает невозможным продуктивный диалектический переход между ними.

Именно в этой точке становится очевидным переход к оппозиции «рациональность – эмоциональность», где аналогичным образом оба полюса утрачивают статус самостоятельных оснований смыслообразования, трансформируясь в инструменты краткосрочного воздействия и поведенческой регуляции, встроенные в алгоритмическую логику цифровой коммуникации. Когда коллективность редуцируется до количественно фиксируемой реакции, рациональные основания коммуникации (аргументация, последовательность, рефлексия) уступают место эмоционально насыщенным сигналам, способным обеспечить быстрый отклик. Так, информационные сообщения, апеллирующие к страху, возмущению или иронии, распространяются существенно быстрее аналитических или развёрнутых интерпретаций. Эмоциональность, однако, не вытесняет рациональность полностью, а встраивается в расчётную логику алгоритмов, становясь инструментом управления вниманием. Субъект оказывается вовлечённым в ситуацию, где его аффективные реакции используются как ресурс, а способность к рациональному осмыслению подменяется реактивным участием в потоке сообщений.

Такое смещение, в свою очередь, подготавливает трансформацию оппозиции «традиционализм – новаторство». Эмоционально маркированная коммуникация благоприятствует постоянному производству «новизны», однако эта «новизна» чаще носит поверхностный характер. Она выражается в непрерывном обновлении форм подачи контента при сохранении ограниченного набора смысловых схем. Происходит некая имитация реальности, «заменённая симулярами, которые воспринимаются как более значимые, чем оригиналы» [13, с. 103].

В то же время традиция не исчезает, а репрезентируется в виде фрагментов,

адаптированных к кратким, визуально насыщенным и легко воспроизводимым сообщениям. Например, как уже говорилось ранее, исторические события или культурные образы нередко транслируются через мемы, клипы или иронические визуальные цитаты, где сложное содержание редуцируется до эмоционального эффекта. Новаторство в таком контексте лишается способности инициировать качественные сдвиги в культурных кодах, а традиция утрачивает свою регулятивную функцию, сводясь к набору формализованных и легко тиражируемых знаков, не предполагающих интерпретации и конфликта смыслов.

Следовательно, дуальные оппозиции в цифровой медиареальности образуют не набор независимых характеристик, а последовательную цепочку трансформаций, в которой изменение одной координаты влечёт за собой сдвиг всей структуры субъектного бытия. Субъектность формируется в условиях постоянного маятникового движения между полюсами, однако сами полюса утрачивают устойчивость, становясь функцией технического «Я» и алгоритмически организованных режимов коммуникации. Это приводит к ситуации, в которой субъект формально сохраняет возможность выбора, но фактически действует в рамках заранее заданных структур восприятия, реакции и участия.

Заключение

Цифровая коммуникация радикально перестраивает способ существования и воспроизводства социокультурных кодов. Если в доцифровую эпоху они функционировали как достаточно устойчивая символическая матрица, обеспечивающая структурирование коллективного опыта и преемственность интерпретаций, то в условиях алгоритмически организованной коммуникации культурные коды утрачивают статус фиксированных носителей смыслов и приобретают процессуальный динамический характер, подверженный постоянному переопределению.

Происходит смещение их традиционной функции смысловой стабилизации в сторону ситуативной регуляции внимания и поведенческих реакций. Культурные коды больше не гарантируют сохранения значения, но обеспечивают мгновенную узнаваемость. В результате теряется глубина символической стратификации, и сужается пространство многоуровневой интерпретации.

Выявленная трансформация не означает исчезновения культуры, однако указывает на смену онтологического режима существования культурных кодов. Их формирование перестаёт быть исключительно результатом человеческой интерпретации и исторической памяти, всё чаще осуществляясь в сфере пересечения человеческой субъектной активности и автономных технических систем. Участие нейросетей в генерации культурных кодов принципиально меняет их статус, переводя их из области символического закрепления в вычислительные процедуры.

В таком контексте нестабильность культурных кодов становится не отклонением, а структурной характеристикой цифровой культуры, где устойчивость уступает место воспроизводимости, а глубина подменяется скоростью циркуляции. Контроль над механизмами цифрового кодирования культуры фактически означает контроль над символическим порядком общества. В этом смысле трансформация культурных кодов оказывается напрямую связанной с вопросами власти и политики.

Сказанное позволяет сделать выводы, что изменения культурных кодов отражают более широкий сдвиг в структуре современного общества, в котором производство смыслов всё в меньшей степени опирается на исторически закреплённые формы культурной регуляции и в возрастающем масштабе становится зависимым от технических механизмов их производства. Человек оказывается втянутым в процессы непрерывного перекодирования культуры, что делает анализ культурных кодов ключевым направлением философского осмысления современной субъектности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стёпин В. С. Философская антропология и философия культуры. М.: Академический проект, 2015. 542 с.
2. Татаров В. Ю. Модусы дегуманизации цифрового общества // Современные философские исследования. 2025. № 4. С. 120–130. DOI: 10.18384/2949-5148-2025-4-120-130.
3. Ковалев А. А. Ментальные вызовы как философско-антропологическая проблема в условиях гибридной реальности // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12. № 3. С. 106–113. DOI: 10.35853/vestnik.gu.2024.12-3.08.
4. Floridi L. The Informational Nature of Personal Identity // *Minds and Machines*. 2011. Vol. 21. Iss. 4. P. 549–566. DOI: 10.1007/s11023-011-9259-6.
5. Лагунов А. А., Иванова С. Ю. Понятие социокультурного кода в контексте дискурса о национальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 302–316. DOI: 10.22363/2313-2302-2025-29-2-302-316.
6. Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1971. 248 с.
7. Ахиезер А. С. Труды. Т. 2. М.: Новый хронограф, 2008. 504 с.
8. Рябова М. Э. Мем-культура и её воздействие на развитие современного общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 1. С. 123–132. DOI: 10.18384/2310-7227-2023-1-123-132.
9. Benasayag M. *Il cervello aumentato, l'uomo diminuito*. Torino: Il Margine, 2022. 262 p.
10. Verdegem P. Dismantling AI Capitalism: The Commons as an Alternative to the Power Concentration of Big Tech // *AI & Society*. 2022. Vol. 39. P. 727–737. DOI: 10.1007/s00146-022-01437-8.
11. Нахтигаль Е. Г. Сетевой контент: реальность и симуляция // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. № 4 (126). С. 70–78. DOI: 10.24412/1997-0803-2025-4126-70-78.
12. Woolley S. *Manufacturing Consensus. Understanding Propaganda in the Era of Automation and Anonymity*. New Haven; London: Yale University Press, 2023. 232 p.
13. Рябова М. Э. Цифровой субъект в культуре сетевой повседневности: вызовы и перспективы // Вестник Гуманитарного университета. 2025. Т. 13. № 2. С. 99–105. DOI: 10.35853/vestnik.gu.2025.13-2.08.

REFERENCES

1. Stepin, V. S. (2015). *Philosophical Anthropology and Philosophy of Culture*. Moscow: Academicheskij proekt publ. (in Russ.).
2. Tatarov, V. Yu. (2025). Modes of Dehumanization of Digital Society. In: *Contemporary Philosophical Research*, 4, 120–130. DOI: 10.18384/2949-5148-2025-4-120-130 (in Russ.).
3. Kovalev, A. A. (2024). Mental Challenges as a Philosophical and Anthropological Problem in the Context of Hybrid Reality. In: *Bulletin of Liberal Arts University*, 12 (3), 106–113. DOI: 10.35853/vestnik.gu.2024.12-3.08 (in Russ.).
4. Floridi, L. (2011). The Informational Nature of Personal Identity. In: *Minds and Machines*, 21 (4), 549–566. DOI: 10.1007/s11023-011-9259-6.
5. Lagunov, A. A. & Ivanova, S. Yu. (2025). The Concept of Socio-Cultural Code in the Context of National Security Discourse. In: *RUDN Journal of Philosophy*, 29 (2), 302–316. DOI: 10.22363/2313-2302-2025-29-2-302-316 (in Russ.).
6. Hegel, G. W. F. (1971). *The Science of Logic. Vol. 2*. Moscow: Mysl publ. (in Russ.).
7. Akhiezer, A. S. (2008). *Trudy. Vol. 2*. Moscow: Novyi Khronograf publ. (in Russ.).
8. Ryabova, M. E. (2023). Meme Culture and Its Impact on the Development of Modern Society. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 1, 123–132. DOI: 10.18384/2310-7227-2023-1-123-132 (in Russ.).
9. Benasayag, M. (2022). *Il cervello aumentato, l'uomo diminuito*. Turin: Il Margine.
10. Verdegem, P. (2022). Dismantling AI Capitalism: The Commons as an Alternative to the Power Concentration of Big Tech. In: *AI & Society*, 39, 727–737. DOI: 10.1007/s00146-022-01437-8.
11. Nachtigal, E. G. (2025). Network Content: Reality and Simulation. In: *Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 4 (126), 70–78. DOI: 10.24412/1997-0803-2025-4126-70-78 (in Russ.).

12. Woolley, S. (2023). *Manufacturing Consensus. Understanding Propaganda in the Era of Automation and Anonymity*. New Haven, London: Yale University Press.
13. Ryabova, M. E. (2025). The Digital Subject in the Culture of Networked Everyday Life: Challenges and Prospects. In: *Bulletin of Liberal Arts University*, 13 (2), 99–105. DOI: 10.35853/vestnik.gu.2025.13-2.08 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рябова Марина Эдуардовна (г. Москва) – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры германистики и лингводидактики Московского городского педагогического университета;
e-mail: ryabovame@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina E. Ryabova (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Prof., Department of German Studies and Linguistic Didactics, Moscow City University;
e-mail: ryabovame@mail.ru